

Псалтирь Сидни. Следует ли «переписать историю метафизического возрождения»?

Л. В. ЕГОРОВА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В 1963 г. издание псалмов Филипа Сидни и графини Пембрук заставило их редактора Дж. Ратмелла поставить вопрос: не следует ли «переписать историю метафизического возрождения» в Англии? Сегодняшний интерес к метафизической поэзии в России делает этот вопрос особенно актуальным и для нас. Данная поэтическая традиция рассмотрена в статье Л. Егоровой в перспективе ее развития — от Сидни к Донну, что позволяет не только уточнить ее историю, выяснить истоки, но и расширить круг основных понятий, ее характеризующих.
Ключевые слова: метафизическая поэзия, Сидни, псалмы, парафраз.

The Sidney Psalter. Should «the History of the Metaphysical Revival» Be Rewritten?

L. V. EGOROVA

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY)

In 1963 the edition of *The Psalms of Sir Philip Sidney and the Countess of Pembroke* made the editor J. C. A. Rathmell raise the question: whether we should «rewrite the history of the metaphysical revival» in England? The current interest in metaphysical poetry in Russia makes this issue especially topical also for us. This poetical tradition is considered in L. Egorova's article in the long view of its development — from Sidney to Donne. This allows not only specify its history and clarify its origins, but also expand the circle of the basic concepts that characterize it.
Keywords: metaphysical poetry, Sidney, psalms, paraphrase.

Вопрос о времени переложения псалмов Филипом Сидни остается спорным. Некоторые из его ранних биографов относили работу к 1580 году (или ранее) и говорили о ней как самой ранней важнейшей поэтической задаче Сидни. Другие полагали (их доводы мне представляются более вескими), что псалмы — результат позднейшей работы, начатой, возможно, незадолго до отъезда в Нидерланды в 1585 году.

На сегодняшний день известно шестнадцать сохранившихся рукописей псалмов Филипа Сидни и графини Пембрук, обозначенных первыми буквами латиницы. О псалмах Филипа Сидни можно судить благодаря рукописи [B] — копии, сделанной в 1694–1695 гг. епископом Сэмюэлом Вудфордом (Samuel Woodford) с сильно правленного графиней оригинала Филипа ([B] Bodleian MS. Rawlinson poet. 25). Все остальные рукописи датируются временным отрезком с 1595

по 1630 г. и представляют собой разные фазы работы графини.

Вслушаемся в псалмы Филипа Сидни с установкой на «метафизичность»: присутствуют ли в них черты метафизической поэзии, какие и в какой степени? Начнем с «филологичности» мышления. Языковая рефлексия Сидни в одном русле с донновской. Заметим, что для псалмов в целом характерно ощущение неизбежности смерти и стремление запечатлеть божественное, которому ты стал свидетелем здесь, во время твоего земного пребывания. В псалмах Сидни оно почти всегда акцентировано:

Mercy, O Mercy Lord, for mercy's sake,
For death dos kill the witness of Thy glory;
Can of Thy prayse the tongues entombed make
A heavenly story?

(6 — номер псалма,
13–16 — строки)

* Егорова Людмила Владимировна — кандидат филологических наук, докторант Московского педагогического государственного университета. Тел.: (499) 246-57-12 Эл. адрес: lveg@yandex.ru

Сидни «метафизически» конкретен и инструментален: только язык живого человека способен создать историю о небесном — *a heavenly story*, вознести хвалу Творцу. Могла чревата бесконечным молчанием — своеобразным возмездием тому, кто не взывал к Господу при жизни и теперь уже замолкает навсегда. В этом финальном молчании — и постыдность, и проклятие:

Let me not tast of shame, O Lord most high;
For I have call'd on Thee; let wicked folk
Confounded be, and pass away like smoake;
Let them in bedd of endless silence dy.
(31, 45–48)

О божественном, по Сидни, надо говорить. Не выдумывать, не полагать самонадеянно, что рассказанное другими о Боге — выдумка (*fable*): поучительная, но не для тебя, история:

Na, so proud is his puffèd thought,
That after God he never sought,
But rather much he fancys this, —
Than name of God a fable is. (10, 13–16)

Tales (россказни) характерны для невоздержанных на язык и наглых:

Our tongues, say they, beyond them all shall go;
Wee both haue power, and will our tales to tell:
For what lord rules our braue emboldned breast?
(12, 10–12)

Итак, по Сидни, у истинных, верных Богу людей — *a heavenly story* (рассказ о божественном); для неверных/неверующих — свои слова: *a fable*, *a tale* или *tales* (множественное число закономерно: нет им числа).

Для Сидни (и не только в псалмах) истинность человека — помимо действий — проверяется словом и звуком. Они — тот показатель, где ошибка исключена, ибо пробуетса сама суть:

When silent Night might seeme all faults to hide,
Then was I by Thy searching insight try'd,
And then by Thee was guiltless found
From ill word and ill-meaning sound. (17, 9–12)

(Когда молчаливая ночь, может показаться, укрывает все недостойное,/ Ты испытал

меня Своим прониканием/ И нашел меня не виновным/ Ни в ложных словах, ни в недобрых речах.)

В мысли и слове проявляется истинность духа:

Soe shall my spryte be still vpright
In thought and conversation... (19, 57–58)

Человек реализуется в речи. Речь выявляет добро и зло. «Я видел нечестивца...» Традиционное выражение далее — «во всем его цвете...». У Сидни — «во всем его звучании»:

I haue the wicked seen full sound,
Like laurell fresh him self out spreading;
Lo, he was gon... (37, 89–91)

Примеры логоцентричности можно множить: речевая рефлексия — неотъемлемый признак мышления Филипа Сидни.

Речевая манера его в отличие от Донна чаще всего напевна — Сидни в русле своего времени. И в то же время у него время от времени появляются строки с намеренно затрудненным произношением, после которых острее ощущаешь благословенность благозвучия:

And then they that in Him their only trust
do rest,
O, they be rightly blest! (2, 31–32)

Графиня Пембрук, по всей видимости, не допустила бы подобного разговорного косноязычия — добилась гармонии. Филип Сидни в своей естественности заглядывает в «метафизическое» — не стыдящееся разговорности будущее. Я бы не сказала, что он туда активно устремлен, нет, он пробует. Говорит — и чутко вслушивается в звучащее: создается ощущение, что мысль рождается и укрепляется прямо в момент говорения:

Now I, now I my self forgotten find... (31, 34)
(Теперь я, теперь я ощущаю потерянность
свое «я»/себя...)

Нет ли здесь противоречия? Не снять ли его? Нет, ощущение распространено наглядными примерами-сравнениями: так ощущает

себя изглаженный из памяти покойный,
втоптаный в грязь разбитый сосуд —

Ev'n like a dead man dream'd out of mind,
Or like a broken pott in myer tredd. (31, 35–36)

Как мы уже продемонстрировали, предвзврет Сидни и традиционные для Донна выяснения отношений с собственным «я», как, скажем, в красноречивой ремарке из «Послания к сэру Генри Уоттону» («To Sir Henry Wotton»): «For me (if there be such a thing as I)...» (Так я (когда мы допускаем, что существую я / что существует «я»)). Самоощущения в переложении псалмов Сидни также далеки от простоты:

Till my self did my faults confess
And open'd mine own wickedness
Wherto my heart did giue me:
So I my self accus'd to God... (32, 13–16)

Сердце открывает псалмопевцу его порочность (...*my heart did give me... mine own wickedness*), он — его «я» — признает грех (...*my self did my faults confess...*) и исповедуется перед Богом (...*so I my self accus'd to God*).

Замечательны и строки из псалма 36 — еще одно свидетельство тонкости восприимчивости и живописания Филипа Сидни:

Me thinks amid my heart I heare
What guilty wickedness doth say... (36, 1–2)

Обращают на себя внимание традиционная метафизическая аккуратность («*me thinks*» — мне думается), инверсия («я слышу» уступает свое законное место обстоятельству места), акцентировка места действия (причем не просто «*in my heart*» — в сердце, а «*amid*» — где-то посреди сердца, где присутствует и еще много чего) и, наконец, разграничение «я» и «того, что говорит моя виновная порочность».

Колоритность, зримость описываемого — неотъемлемая черта стиля Сидни. О чем бы он ни говорил, проступает яркий образ. Даже если затрудняешься отчетливо представить смерть, читая псалом 30, веришь, что

у нее не может не быть холодной груди, к которой она притянет вышедших из алчущих челюстей могилы:

Yea, from the graue's most hungry jaws
Thou would'st not set me on their score,
Whom death to his cold bosom drawes.
(30, 7–9)

Если не визуально, то на уровне звуков ощущаешь жадность могилы. За счет разнообразия артикуляции, особенно согласных («*from the grave's most hungry jaws*»), словно проходишь через эту «мясорубку». «*Most hungry jaws*» не оставляют возможности на спасение, и повторяющиеся прискорбные [?] закрепляют обреченность. Музыкальность и владение звукописью Сидни отменны.

Вслушаемся в начальные строки — типично «метафизические»: броские, разговорные, немедленно привлекающие внимание. Кому они принадлежат? —

Tyrant, why swels't thou thus?..
Not us I say, not us...

Как ни похоже на Донна, это первые строки псалмов 52 и 115 графини Пембрук, завершившей работу брата по переложению псалмов. А это? —

To thee my crying call,
To thee my calling cry
I did, O God, adrese,
And thou didst me attend.

Upp, up my soule, advance Jehovas praise...

И это не Герберт, но начала псалмов 77 и 146. Графиня Пембрук продолжит наработку того, что перейдет к «метафизикам». Острота ума и «метафизическая» неожиданность переплелись. Еще до Донна и даже до Шекспира английская поэзия нуждалась в энергичном гибком голосе и обрела его.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

The Complete Poems of Sir Philip Sidney (1970) Ed. by the Rev. Alexander B. Grosart. In 3 vol. Freeport : Books for libraries press (First published 1877). Vol. III. Pp. 71–199.